

Анна Никольская
Татьяна Михайленко

Москва
Издательство АСТ
АСТРЕЛЬ СПб
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н64

Серийное оформление и дизайн обложки:

Юлия Межова

ISBN 978-5-17-184100-3

© Анна Никольская, текст, 2026
© Татьяна Михайленко, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1

Все так плохо?

«Среди людей тоже одиноко» — царапаю я на школьной парте очередное послание. Это фраза из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

Знаю, вряд ли кто-то поймет, потому что на самом деле выглядит это так:

«Зжънп бюньр одиь днпгцд».

Это довольно простой, но эффективный способ шифрования, который можно прочесть только зная ключ.

— Человекина? Так ты с нами к Димасику? — слышу ироничный голос Миланы.

Я молчу.

Ну конечно, забыла: я же должна радоваться, что меня пригласили. «Ты такая интересная», «С тобой не скучно». Да, интересная, как ошибка в коде, которую все видят, но предпочитают игнорировать. А теперь они ждут, что я буду вести себя «нормально». Радоваться, что и меня пригласили к хайповому парню на ДР. Только дело в том, что для меня это неестественно — в смысле радоваться такому.

Ума не приложу, как поступить. Думаю, мне все же хочется, чтобы им было комфортно, но ирония в том, что, если я действительно буду собой, они решат, что я сумасшедшая. Или грубая. Или грустная. Хотя нет, грустить — это нормально, главное — чтобы это была «милая грусть», а не молчаливый уход в себя с анализом их токсичного паттерна поведения или чего подепрессивнее.

Ладно, улыбнусь. Надеюсь, это и правда выглядит как улыбка, а не как оскал человека, который понимает, насколько весь этот разговор абсурден.

— А что такая тихая? — спрашивает именинник, подсаживаясь на свободный стул.

Еще одна моя особенность: со мной теперь никто не сидит. Причина настолько нелепая, что и рассказывать не хочется.

В общем, я не уверена, что они меня поймут. Ответ я правду, она бы звучала так: «Мое молчание громче вашего смеха».

Но вместо этого говорю:

— Просто, думаю, так вам со мной удобней. Ведь главное — чтобы вам было комфортно, правда?

— Хм, а ты становишься все прикольней.

Дима как бы нечаянно прикасается к моему локтю, и у меня перехватывает дыхание.

Нет, это совсем не то, что вы подумали. С некоторых пор я не терплю, когда до меня дотрагиваются. Я сдерживаюсь и не сбегаяю, потому что на мне зиперка, и по факту Тихонов дотронулся толь-

ко до нее. А если быть точнее, между нами — три миллиметра стопроцентного хлопка. Выдыхаю.

«Три миллиметра. Три, — повторяю мысленно. — Это точно не конец света. Не один, не два, а целых три».

Я знаю еще кое-что: американский ученый — Али Сандермьер — еще в две тысячи шестнадцатом году доказал, что нас нет. Точнее сказать, мы «как бы есть».

Попробую объяснить.

Вот, например, возьмем атом: он состоит из ядра и электронов. При этом расстояние между этими элементами настолько велико, что можно сказать — атом почти на сто процентов состоит из пустоты.

Получается, человек — на девяносто девять процентов — это ничто. Иллюзия. Только папа использовал эти знания, чтобы, наоборот, создать из ничего — что-то. Папа часто повторял, что он «подошел» очень близко к своей цели.

Но... уже неважно...

В общем, я до сих пор считаю, что в этой концепции есть белые пятна. Когда-то я подолгу спорила с отцом: «Почему же мы ощущаем вес, текстуру и температуру предметов, если по сути ничего не касаемся?»

— «Зжънп бьюнр одиь днпгцд», — читает Дима. — Ты вроде отличница, а почерк ужасный, или это ты с ошибками написала? — и, главное, смотрит по сторонам, ожидая реакции.

Никто не поверит, но я ощущаю колебания воздуха. Димин смех подхватывают остальные

одноклассники. Их голоса входят в резонанс и чуть позже синхронизируются.

Я тоже смеюсь. Нет, мне не весело, просто не хочу выделяться. Опять. Хотя и знаю, что весь этот фарс с приглашением — всего лишь игра. Только так просто я им не сдамся.

— Ну, чего вы? Нашли кого уламывать! — устало произносит Милана. — Антисептик, хорош выдeldываться, ты идешь или нет?

Антисептик — это она про меня.

Прозвали меня так после того, как его не стало... Я сутками читала про бактерии и вирусы, а потом обнаружила, что паникую, если вдруг забываю помыть или обработать руки антисептиком. Не хочу никому портить настроение и рассказывать обо всех видах заболеваний из-за микробов... Просто скажем так: я стала придавать чуть больше значения гигиене рук.

Окей, намного больше. Ладно-ладно! Меня это почти сводит с ума.

Конечно в классе быстро заметили, что я постоянно пользуюсь антисептиком, но я точно говорю: все у меня с психикой нормально. Наверное. Хотя кого я обманываю? Я думаю сейчас о том, как Дима крутит карандаш. Мой карандаш. У него получается ловко: он баскетболист, и ему, кажется, все равно, чем жонглировать, — мячом или канцеляркой.

Мне хочется, чтоб он перестал и положил на стол этот несчастный кусок дерева. И пусть они уже все отойдут.

Пожалуйста!

Я же тихонько достану влажные салфетки и протру парту, стул и, конечно же, карандаш. Не потому, что я чокнутая, нет. Просто мне будет так спокойнее.

— Ну что, молчунья, ты с нами? Мой дэрэ — событие не то чтобы частое.

Он зачем-то засовывает карандаш за ухо. И глядит на меня не мигая.

Говорят, глаза — зеркало души. Я пристально смотрю в его ярко-синие с зелеными вкраплениями глаза, но совершенно не понимаю — что у него там, в зеркале. О чем он на самом деле думает? Чего, например, боится?

Я знаю, у каждого есть личный демон. Мой проявился восемь месяцев назад и до сих пор меня мучает.

Я выдерживаю Димин взгляд, а вот ему не моргать — сложно. Его веки тяжелеют, он прикусывает нижнюю губу, обнажая брекеты. Теперь я вижу, как напряжено его лицо и как много в нем того, что называют фальшивкой.

— С какой это стати?

Я хватаю рюкзак и выбегаю из класса под их адский хохот.

Люблю ходить пешком! В музыке я не разбираюсь, поэтому слушаю звуки города.

«Я ищу порядок в хаосе», — любит повторять папа, то есть любил.

Я тоже пытаюсь. Мимо проезжает скорая с мигалками, а за ней — три уборочные машины подряд. Обгоняю кучку младшеклассников, они о чем-то оживленно спорят, слышу только: «Да ни в жизни Гоша не победит Данича!»

Ветер усиливается, и кажется, вот-вот пойдет дождь. Я немного ускоряюсь и теперь всем телом ощущаю сопротивление и силу ветра. Сегодня он сильнее, чем обычно. Пахнет мокрым асфальтом и выхлопными газами, а точнее, ацетоном, бензином, соляровкой и сероводородом. Все вместе — это CO₂.

Утром я случайно услышала, как одни* обсуждали фотки Миланы. Я замечаю зеркальную витрину, подхожу ближе и рассматриваю в отражении себя.

«А как понять, красивая я или нет? И есть ли во мне что-то уникальное? А главное — что меня делает мной?»

Пытаюсь оценить себя, словно вижу впервые: овальное лицо, прямой, но слегка вздернутый нос, губы самые обычные, как и карие глаза. Шатенка с когда-то длиннющими волосами, которые я отстригла на прошлой неделе. Сама. Получилось что-то наподобие каре — не очень ровно, но мне нравится. Только непривычно, что шея мерзнет... зато волосы сохнут за двадцать минут без фена.

Я правда не понимаю, почему некоторые умеют нравиться, а таких как я в лучшем случае стонутся?

* Одноклассники.

Прикасаюсь к холодной поверхности витрины и вожу пальцем по контуру своего отражения. Не знаю, может, пытаюсь понять, есть ли я вообще?

Как узнать это?

«Я мыслю, значит, я существую» — эти слова приписывают Декарту. Верно ли это? Папа учил меня все подвергать сомнению, но, как проверить то, что существует лишь в моей голове? Вдруг я сама себя выдумала?

— Девушка, вам нехорошо?

Я вздрагиваю, мельком бросаю взгляд на женщину лет сорока в зеленом плаще и убегаю.

Дома пахнет едой. Настоящей, не магазинной, а еще цветочными духами с ароматом магнолии. Это значит только одно — у нас хозяйничает Полина, папина сестра. Она живет в соседнем доме и каждый день «забегает ненадолго нас проведать».

Тетя в целом мне нравится, но от ее постоянного сочувствия и вопросов мне хочется спрятаться.

Полина и школьный психолог ждут, что я скажу, что мне уже легче. И я иду от тьмы к свету. И с каждым днем мне все проще и легче.

Только это не так.

Естественно, слово «смерть» у нас под запретом. Полина, как и остальные взрослые, обычно говорит: «Он ушел, покинул нас». Только вот ирония в том, что папа не вернется, тогда не легче ли называть все своими именами? Можно подумать, я не была там, на похоронах.

Еще я стала бояться общения. Точнее, избегать его, ведь если ни с кем не дружить, то тогда и не страшно потерять тех, до кого мне нет дела.

Правда, есть одно исключение — моя Катя, но она далеко, и с ней все иначе, ведь мы уже давно общаемся только в онлайн.

Стою в дверях и решаюсь. «А может, пойти погулять пока?» Правда, пошел дождь... а я понятия не имею, где у нас зонт. Мелькает глупая мысль: «Может, мне удастся проскользнуть незамеченной и подождать, пока она уйдет?» Тетя разговаривает по телефону, а входная дверь у нас закрывается бесшумно, потому что папа любил тишину. Я задвигаю промокшие кроссы поглубже под банкетку.

Дверь в мою комнату — сразу справа от входа, но я смотрю на ладони и понимаю, что мне капец как необходимо их помыть. Хотя из кармана и торчит антисептик, я вспоминаю про миллиарды миллиардов бактерий — и я уже не я. На цыпочках пробираюсь в ванную — она прямо по коридору.

Дверь в гостиную прикрыта.

— Алина, ты в своем уме? Ты собираешься опять оставить Лизу? Ты вообще хоть что-то знаешь о материнском долге? Какое исследование? У твоей единственной дочери проблемы с общением. Ты разве не помнишь, что ее классный руководитель сказала? Лизе нужна помощь в социализации, а ты думаешь только о своих дурацких птицах и диссертации!.. Что? На месяц? И ты согласилась? Знаешь, волчица и та заботливей...

Папа очень любил нашу квартиру, как и все предметы с историей. Наш дом построен в тысяча восемьсот девяносто пятом. Стены толщиной чуть ли не метр и высоченные потолки. Еще отец гордился фреской, сохранившейся на одной из стен. К нам полгода приходил реставратор и сантиметр за сантиметром расчищал и восстанавливал незамысловатый цветочный орнамент размером примерно метр на метр. Остальное не сохранилось. Теперь рисунок обрамлен защитным стеклом. Папа иногда просто стоял вот так, задумавшись, и разглядывал его. Вполне возможно, он ценил антиквариат еще и потому, что понимал — все это останется и после него. Вот даже паркет пережил отца.

Месяц назад нас немного залили соседи, и теперь одна из досок скрипит. И как меня угораздило наступить именно на нее? На доску, в смысле. Полина оборачивается. Она так и подвисает с открытым ртом. На том конце я отчетливо слышу мамин голос:

— Ладно, мы с Лизой обо всем договорились. Пока.

Щеки Полины вспыхивают.

— Привет, — здороваюсь я и иду в ванную.

А вы знали, что Всемирная организация здравоохранения разработала методику, как правильно мыть руки? Если следовать всем пунктам, то процесс занимает от одной до четырех минут. Я скрещиваю пальцы, намыливаю ногти и каждый палец в отдельности, а затем тру костяшками по тыльной стороне и по ладоням. Еще раз нажи-

маю на колпачок с жидким мылом и зачем-то повторяю все действия. Дважды.

Возможно, я надеюсь, что и Полина растворится. Потом я какое-то время сижу на бортике ванны.

В дверь стучат:

— Эй, у тебя там все в порядке?

— Угу.

Кажется, мой план не сработал, и мне приходится выйти.

— Лиз, ты все слышала?

Я киваю.

— Прости, но я правда не понимаю, что с твоей мамой происходит. Да, она переживает и, наверное, пытается найти утешение в работе. Но командировка на месяц? Как ты будешь жить одна?

Мама обожает свою работу. Она орнитолог — изучает птиц, их поведение, миграцию и популяцию. За свою карьеру мама открыла несколько новых подвидов птиц. А завтра она полетит в Даурский заповедник. Потому что работает над докторской диссертацией и ей нужны данные, которые необходимо проверить в ходе полевого исследования.

Напряжение повисает в воздухе. Тетя складывает руки на груди — сейчас она как никогда похожа на папу. Спрашиваю:

— Слушай, а тебе самой как?.. Смотря в зеркало, ты видишь и его тоже?

Полина шумно вздыхает. Они очень похожи внешне, да и вообще — Полина даже с моей ма-

мой спорит почти так же, как папа, только у них все заканчивалось мирно. Отец всегда говорил: «Я понял, это отличная возможность. А мы с Лизой сами справимся, еще и время отлично проведем».

— Не переводы разговор — целый месяц как ты будешь одна?

— Полина, все нормально. Я справлюсь. Деньги на карте, магазин рядом. Что может случиться?

—Т-ты серьезно? — Тетя даже слегка заикается от возмущения. — Да все что угодно! Не знаю, а если опять прорвет трубу у соседей или начнутся проблемы с отоплением? А через неделю обещают заморозки, а у вас не дом, а сплошное недоразумение! Как вообще его до сих пор не снесли? — На висках у нее вздулись вены.

Я понимаю, что бы я ни сказала, Полину это не успокоит.

«Вот почему я, как все нормальные люди, не воспользовалась антисептиком?»

Тетя все говорит и говорит, но я уже давно не слушаю.

— Этот дом — памятник архитектуры, и он под охраной государства, поэтому и не снесли.

— Что?

Я повторяю.

— Господи, Лиза! — В глазах у тети слезы. — Честно, вы какие-то... не такие. — Кажется, она хотела сказать «ненормальные»? — Я никогда не понимала твоих родителей с их идеей сделать «мир лучше для мира». Почему-то в их поис-

ках они забыли о главном — о том, что у них под носом.

Мне становится ее как-то жаль, но факт в том, что со стороны я не выгляжу как человек, которому хоть отдаленно знакомо слово «сочувствие».

Возможно, потому, что «сочувствие» происходит от слова «чувство», а их у меня теперь нет.

— Я, наверное, пойду, мне нужно как-то это все переварить. На плите твой любимый сырный суп, а в холодильнике котлеты.

Я киваю. И потом молча наблюдаю, как Полина одевается. Язычок на ее туфлях завернулся внутрь, и ей приходится наклониться, чтобы его поправить. Еще я замечаю, как к ее пальцу пристал кусочек травы, но она совершенно спокойно стряхивает его и продолжает одеваться. Ей все равно, что там могут быть частички реагентов или даже ртути...

— Олесю из роддома выписали, я буду первое время помогать ей с Мишей. Но я смогу забегать к тебе ненадолго. — Полина задумывается, а потом в очередной раз предлагает: — А может, просто у меня поживешь? Ведь Леськина комната давно свободна, и мне туда-сюда контейнеры не носить.

Олеся, моя двоюродная сестра, неделю назад родила мальчика, и количество людей в нашей семье опять вернулось к прежним показателям. «Система стремится себя восполнить», — сказал бы папа и улыбнулся.

Я понимаю, что Полина ждет ответа, но я не могу жить у нее. Потому что здесь — единственное место, где я все еще его ощущаю.

«Halló! Как в школе?» — приходит сообщение от Кати, она всегда вставляет исландские словечки в начале или в конце предложения. Мы дружим, страшно сказать, уже одиннадцать лет. Только вот лет пять назад ее предки решили переехать в Исландию. Теперь мы общаемся только в онлайне, но зато всегда на связи.

«Сегодня меня пригласили на ДР». Добавляю эмодзи «рука-лицо».

«Все так плохо?»

Я долго думаю, что ответить, но подруга умеет читать между строк. К тому же я ей рассказывала, что слышала, как классная в очередной раз просила одноклассников «помочь мне справиться с утратой».

Только вот меня забыли спросить — а мне это нужно? Я бы с радостью ушла из школы после девятого, но обещала отцу, что окончу одиннадцатый. Хотя какой в этом смысл? Или все-таки переехать на домашнее? Вроде как и не нарушу обещание... Нужно обсудить это с мамой.

В самый последний день он сказал, что у меня обязательно появятся друзья, которые научат меня смотреть на мир по-другому.

Ну-ну. Это Дима или Милана?

Спасибо, не нужно.